

Весеннее обострение?

«Когда-то я смеялся, когда нам говорили: «Соберите все ваши обнаженные скульптуры в одну комнату и повесьте знак «18+», и детей наших не развращайте». Вот уже есть официальная жалоба, которая пришла из официальных органов, и мы на это им отвечаем». Эти слова генерального директора Эрмитажа Михаила Пиотровского растиражировали многие печатные и электронные СМИ. Количество иронических комментариев по поводу неведомых активистов пуританского воспитания в социальных сетях было куда как больше ревнителей плоско понимаемой нравственности.

Михаил Швыдкой

Уверен, что руководству Эрмитажа не надо будет ставить у каждой античной скульптуры часового с ружьем, что был вынужден сделать Петр I, установивший обнаженную Венеру в Летнем саду. Царь-реформатор был первым, кто не только привез в Россию обнаженную скульптуру богини любви, но и выставил ее для публичного обозрения, чем вызвал негодование значительной части общества. Как напомнил телеканал «Петербург» в репортаже о событиях в Эрмитаже, античные скульптуры Диоскуров, «отроков Зевса», Кастора и Полидевка, пришлось перенести от главного входа в Манеж к Конногвардейским казармам из-за того, что они находились в «опасной» близости к Исаакиевскому собору.

Их вернули на первоначальное место лишь в 1954 году, – коммунистические идеологи не увидели в обнаженных братьях угрозы для государственного строя. В своей пресс-конференции Михаил Пиотровский отстаивал права культуры и права музеев на

показ тех художественных произведений, которые он считает нужными показывать: «В музей можно не ходить, но заставлять музей что-то делать или не делать – нельзя, потому что права одного человека не должны ограничивать права другого».

Поскольку все это происходит не впервые, уверен, что ведущий музей страны в очередной раз выйдет из этой ситуации с присущим ему достоинством, не доведя дела до суда. Чего не скажешь о другой коллизии: молодой художнице из Комсомольска-на-Амуре Юлии Цветковой грозит до шести лет лишения свободы за «распространение порнографии в социальных сетях», – ее схематичные изображения женских тел и ведение «паблика» «Монологи вагины» могут оценить именно таким образом. И ее положение драматичнее, чем коллизия в Эрмитаже.

Как известно, СССР, а затем и РФ присоединились к Международной конвенции о пресечении обращения порнографических изданий и торговле ими, которая была принята 12 сентября 1923 года. Статья 242 Уголовного кодекса РФ предусматривает серьезные наказания за «незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов» (новая редакция от 29 февраля 2012 года). Определение порнографии и уголовная ответственность за ее изготовление и оборот существует и в Федеральном законе N 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 года. Закон дает определение порнографии: «информация, представляющая в виде натуралистических изображения или описания половых органов человека и/или полового сношения либо сопоставимого с половым сношением действия сексуального характера, в том числе такого действия, совершаемого в отношении животного».

Но в упомянутых законах присутствуют существенные для деятелей культуры исключения, – особая часть этого законодательства посвящена обороту информационной продукции, имеющей значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества. Приведу еще одну цитату: «не являются материалами и предметами с порнографическими изображениями

несовершеннолетних материалы и предметы, содержащие изображение или описание половых органов несовершеннолетнего, если такие материалы и предметы имеют историческую, художественную или культурную ценность, либо предназначены для использования в научных или медицинских целях, либо в образовательной деятельности в установленном федеральным законом порядке».

Повторю еще раз, в случае с Эрмитажем, где хранят и выставляют объекты, которые, попав в музей, тем самым приобретают «историческую, художественную или культурную ценность», решение проблемы даже в судебном процессе очевидно. Законодательно сложно интерпретировать музейную вещь как порнографию. Куда сложнее определить, имеют ли подобный статус работы современного живописца, скульптора или видеохудожника. Тем более когда они пытаются сопрягать подробности жизни и художественную образность в едином творческом пространстве. С новой остротой встает вопрос: что такое искусство? Марк Твен, который не был ханжой, тем не менее усмотрел в «Венере Урбинской» Тициана провокацию, которая вызывает вождление в глазах посетителей. Чего уж говорить о «Завтраке на траве» или «Олимпии» Эдуарда Мане! Речь шла не о нарушении общественных нравов второй половины XIX века, но и о том, что эти работы – как и другие произведения импрессионистов – не являются искусством с академической точки зрения.

Современники уничтожали художников «парижской школы» и русского авангарда начала XX столетия, выводя их творчество за пределы искусства. Меньше чем через полвека стало ясно, что эти полотна представляют собой «значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества». Если учесть, что оценка современного искусства крайне сложна, – сколько экспертов столько и мнений, то юридические последствия подобных экспертиз чаще всего непредсказуемы. В любом обществе преобладают устоявшиеся вкусы, сформированные, как правило, эстетическими представлениями предшествующих десятилетий, если не эпох.

Важно только, чтобы разное понимание прекрасного не ломало человеческие судьбы.

Михаил Швыдкой, доктор искусствоведения